

ПРОГРАММА РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛА XX в. В НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ И НЕОНАРОДНИЧЕСКОЙ ДОКТРИНАХ

© 2015 г. Анна Владиславовна Попова¹

Аннотация: статья посвящена оценке права собственности в трудах представителей нелиберализма и неонародничества, а также в программатике партии конституционных демократов и партии социал-революционеров после Февральской революции 1905 г. Раскрыты существенные черты предлагаемой реформы земельных правоотношений.

Annotation: the article is devoted to the assessment of property rights in the works of the representatives of neoliberalism and neonurodyta, and programmatic party of constitutional Democrats and the party of social revolutionaries after the February revolution of 1905 Revealed essential features of the proposed reform of land relations.

Ключевые слова: нелиберализм, неонародничество, кадеты, эсеры, право частной собственности, аграрные отношения, национализация, социализация.

Key words: neoliberalism, neonurodyta, the cadets, the Mensheviks, the right to private property, agrarian relations, nationalization, socialization.

Вопрос о собственности на землю представлял собой одну из главнейших проблем государственно-правового развития России в начале XX в. Политические партии, имевшие представительство в Государственной думе, предлагали различные варианты его решения. Представители нелиберализма (Партия конституционных демократов – кадеты) и неонародничества (Партия социал-революционеров – эсеры) одинаково полагали государственным идеалом для России социальное (социалистическое) государство, экономической основой которого должна стать собственность на землю².

Кадеты и социалистические партии, которые боролись в истории отечественного законодательства с тех пор, как аграрный вопрос стал предметом обсуждения, выражали два различных политико-правовых подхода к постановке аграрного вопроса. Одинаково признавая основные интересы широких трудящихся масс, эти идейные течения в качестве ближайшего непосредствен-

ного будущего России рисовали себе постепенное осуществление идеала национализации земли или перехода России к системе вообще мелкой крестьянской собственности.

Именно в России сделалась чрезвычайно популярной не столько сама идея национализации (и сходных с ней социализации и муниципализации) в строго юридическом и политическом смысле этого слова, сколько известное настроение в пользу национализации. Обусловливалось это тем, что в России очень долго земельная собственность была связана с крепостным правом. Сторонники мелкой земельной собственности нисколько не отрицали отчуждения земель у крупных владельцев на праве выкупа, не стояли на той почве, что незыблемость священного права земельной собственности не может подлежать ограничению во имя государственного блага³.

Общим в аграрных программах нелибералов и социалистов являлось понимание настоящей необходимости изменения существовавшей структуры землевладения для увеличения количества земли, находящейся в пользовании у крестьян. Однако пути этого процесса и его формы различались коренным образом. При этом социалистический подход казался более простым, поскольку разом отменял действовавшие сложные и запутанные правовые нормы. С правовой точки

¹ Доцент кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева юридического факультета им. М.М. Сперанского ФГОБУ ВПО «Российская государственная академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доцент кафедры «Теория и история государства и права» ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кандидат юридических наук, кандидат философских наук (E-mail: anna0710@yandex.ru).

² См.: Государственная дума. Созыв 1. Сессия I. Полный стенографический отчет. Т. 1-2. СПб., 1906. С. 1–5.

³ См.: Котляревский С.А. Речь 27 мая 1906 г. // Там же. С. 72; см. также: Кроткова Н.В. Государственно-правовые взгляды С.А. Котляревского. М., 2011.

зрения намечавшаяся земельная реформа представлялась более сложной, чем реформа 1861 г. Сущность вопроса – в определении предельных размеров этих норм, а не в установлении личных прав на землю каждого освобождаемого крестьянина. Перед составителями Положения 19 февраля не было отдельного крестьянина, а были тягловые поземельные общины и союзы домохозяев, получившие землю по одному акту укрепления. В начале XX в. поземельные отношения дифференцировались. С правовой точки зрения дать землю тому, кто ее не имеет, или расширить пределы землепользования мелкого землевладельца являлось далеко не одним и тем же⁴. Рассматривая землю как объект вещного права, неолибералы определяли круг субъектов, исходя из исторически сложившегося круга лиц, осуществлявших это право на основаниях, установленных законом.

Представители партии революционных демократов олицетворяли собой идейно-политическое течение, выступавшее за различные формы национализации земли, ликвидацию института частной собственности на землю. Конечной целью программных требований социалистов являлось установление такого порядка землепользования, как социализация, национализация и муниципализация в рамках нового общественного строя – социализма.

В России исходной точкой так называемого “русского общинного, крестьянского социализма” являлась консервативность общинной формы организации социально-правовых отношений. Идея общины как основы для создания социалистического государства и будущего государственно-правового устройства была высказана еще в 1849 г. декабристом М.А. Фонвизиным⁵, а также А.И. Герценом в статье “Россия”. Концепция “русского социализма” окончательно оформилась еще до крестьянской реформы в 1859 г.⁶, хотя сама проблема социальных возможностей крестьянской общины привлекала внимание русских мыслителей еще в первой половине 40-х годов XIX в.⁷ Отсутствие индивидуализированных вещных прав на землю, как объекта собственности привлекало внимание и послужило основой для теоретических построений о новом социальном устройстве государства.

⁴ См.: *Вихляев П.* Аграрный вопрос с правовой точки зрения. М., 1906. С. 17, 18.

⁵ См.: *Фонвизин М.А.* О коммунизме и социализме // Соч. и письма. Т. 2. Иркутск, 1982. С. 290–295.

⁶ См.: Утопический социализм. Хрестоматия. М., 1982. С. 398–402. Подробнее см.: *Смирнова З.В.* Социальная философия Герцена. М., 1973. С.144 – 170.

⁷ См.: Утопический социализм в России. Хрестоматия / Под ред. А.И. Володина. М., 1985. С. 33.

Вслед за А.И. Герценом идеи народнического социализма развивал в статьях конца 50-х годов Н.Г. Чернышевский, рассматривавший общину не как юридическую конструкцию; способ реализации и пределы осуществления поземельных прав ее членов, а как модель социального устройства, лишенную института собственности и обобщественного владения. Разделяя гегелевское положение о том, что всякий предмет определяется сначала в своей общности, затем различается во множественности своих моментов и наконец, через это саморазличение замыкается в себе как целое, Н.Г. Чернышевский утверждал, что общинное землевладение представляет собой первобытную форму земельных отношений, которую сменила частная собственность, чтобы вновь уступить место общине, но уже высшего типа. Современная община, по его мнению, могла при благоприятных условиях превратиться в идеальную⁸. При этом не учитывалась органическая связь между сельской общиной и институтами обычного права крестьян. Н.Г. Чернышевский, идеализируя общину, полагал, что именно она предоставила крестьянству возможность развивать далее свои излюбленные формы быта⁹.

В начале XX в. возникает доктрина неонародничества, или “социал-революционаризма”, гносеологическими основаниями которой являлся социализм народников, западный социализм, “выявивший живучесть класса мелких производителей, особенно в сельском хозяйстве”¹⁰. По собственному признанию В.М. Чернова, его убеждения сформировались под влиянием “Добролюбова и Чернышевского, затем Михайловского, затем Маркса”, и “основной точкой зрения было революционно-политическое народничество, позитивизм в области философии, строгий марксизм в экономике”¹¹.

Предложенная В.М. Черновым концепция решения аграрного вопроса стала политической доктриной Партии социалистов-революционеров (далее – ПСР). Основным тезисом было различие между определением права собственности на землю, существовавшее в Западной Европе и России. Так, в западноевропейских странах основополагающим являлось абсолютное владение земельным участком, в то время как в России

⁸ См.: *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 24 (47). СПб., 1898. С. 214.

⁹ См.: *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877. С. 183.

¹⁰ *Radkey O.* The agrarian Foes of Bolshevism. Columbia University Press, 1958. P. 4.

¹¹ *Чернов В.М.* Автобиография // Исторический архив. 1996. № 4. С. 215.

широкое распространение получило индивидуальное пользование землей. Право же владения передавалось не по акту, подтверждавшему такое право, а по факту обработки участка. При этом понятие “вечное владение” (“домашнее”, “собственное”) отражало лишь право на потомственное тягловое владение общинной землей¹².

Реформа 1861 г. не ликвидировала тяглого крестьянского землевладения, которое вплоть до 1 января 1907 г. было связано с внесением выкупных платежей. Традиция трудового уравнительного землепользования представляла собой институт наделного землевладения, служивший основанием для приобретения или прекращения права собственности на землю. Специалист в области аграрных правоотношений П. Вихляев отмечал, что подобно тому как “от трудового прикосновения к земле создается право на ее продукт (...), из трудового прикосновения к земле возникает право на эту землю”¹³. По его мнению, трудовое землепользование при отмене частной собственности на землю заменяло исключительные права отдельного лица равным и общим для всех граждан правом на землю как неотъемлемым правом всякой личности в государстве.

Право на землю, основанное на трудовом начале, представляло собой, по мнению П. Вихляева, приложение труда к тому количеству земли, пользование которым не наносило какого-либо ущерба однородным правам других лиц. Трудовое землепользование, определявшееся как регулятор поземельных отношений, т.е. реализация норм публичного права, должно было коренным образом изменить правовое регулирование института аренды (найма), тем самым устранить присвоение продуктов чужого труда, поскольку “передача земли из одних рук в другие трудовые руки не может быть источником нетрудового дохода сдатчика, а лишь одной из форм реализации права на землю съемщиком земли, применяющим к этой земле свой труд”¹⁴.

Законодательное закрепление общегражданского права собственности на землю связывалось П. Вихляевым с существованием и широким распространением в России общинной формы землевладения, когда в дополнение к потягольной по мужским “ревизским” душам общинным разверсткам была создана разверстка по едокам, по наличным душам обоего пола. Таким образом,

“право на землю признавалось общим без различия пола”¹⁵.

Рассматривая общину как готовую форму социально-экономической основы для проведения аграрной реформы, П. Вихляев полагал, что “земельная община должна стать публично-правовым институтом, открытым для всех граждан. Таким образом, право на землю каждого русского гражданина подвергается еще тому формальному дополнению, что на значительном пространстве России это право может быть осуществлено в преобладающем большинстве случаев только путем вступления в общинный союз”¹⁶. Уравнивание прав на землю предполагалось осуществлять через установление равной системы налогообложения для всех собственников земельных наделов в виде земельной ренты, компенсируя из этих средств ущерб, нанесенный правам отдельных лиц¹⁷. Так, С.Н. Прокопович определял право на землю не как частное воплощение принципа коллективизма, а как идеализацию устарелых форм хозяйственной жизни, так как русский земельный вопрос еще не мог нести в себе социалистического содержания – “наше крестьянство жаждет земли, а не права каждого на землю”¹⁸.

В соответствии с позицией социал-революционеров право на землю в пределах трудовой и потребительской норм являлось естественным правом человека, нашедшим отражение в “содержании индивидуальных публично-правовых норм”¹⁹. Однако право на землю, в отличие от личных неимущественных прав, является материальным, вещным правом. Реализация права на землю соседей может свести на нет права иных лиц вследствие естественной ограниченности объекта права с учетом его качества и месторасположения. Разрешение подобных противоречий предполагалось на началах общегражданского права на землю в материальных интересах трудового земледельческого населения. Право на землю означало передачу земли в собственность всего народа, что предполагало непосредственное участие народа в управлении своим достоянием. Идея всенародного земельного схода, основанная на представлении о праве собственности на землю, получила дальнейшее развитие в требовании прямого народного представительства и проведе-

¹² См.: Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – нач. XIX в. М., 1984. С. 136, 141.

¹³ Вихляев П. Конституционно-демократическая партия и аграрная реформа. М., 1906. С. 30, 31.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Вихляев П. Аграрный вопрос с правовой точки зрения. С. 50.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: там же. С. 51, 52.

¹⁸ Прокопович С. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912. С. 222, 223.

¹⁹ Вихляев П. Аграрный вопрос с правовой точки зрения. С. 44, 45.

нии референдума, без которых, по его мнению, “не могло произойти никакого изменения в государственном земельном праве страны”²⁰.

Превращение земли в общенародное достояние (мыслилось эсерами) должно произойти путем социализации, которая теоретически определялась как совершенное упразднение формы обладания землей, т.е. “собственности”. При социализации земли “собственность на землю не переходит от одних лиц к другим, например от помещиков к крестьянам, ни от отдельных лиц к каким-нибудь коллективам, например государству, земству или общине”. Собственность на землю подлежит упразднению, земля становится “общенародным достоянием”, что означало ее принадлежность всем членам общества, невозможность ее купли-продажи. Право распоряжения и пользования землей становилось возможным только в пределах нерушимости прав каждого члена общества в отдельности, т.е. в пределах доступности земли для всех. Характерным признаком социализации земли служил, таким образом, тот факт, что “землей никто не владеет, в силу чего она перестает быть собственностью”²¹.

Конкретизируя понятие социализации, В.М. Чернов пояснял, что, “социализуя землю, мы именно ставим ее в такое положение, при котором обычные определения частного права к пользованию ею становятся более непреложными. Мы не делаем землю ни имуществом общины, ни имуществом области, мы не переводим ее и просто в разряд “государственных имуществ”. Мы делаем ее “ничьей”. Именно как “ничья” она и становится “общенародным достоянием”²². Эти идеи нашли свое выражение в проекте основных положений по аграрному вопросу, внесенному членами трудовой группы в I Государственную думу²³, а сама идея социализации земли получила широкое развитие и обсуждение в печати²⁴ и, кроме того, получила обоснование с марксистской точки зрения.

²⁰ Вихляев П. Право на землю. М., 1906. С. 39.

²¹ Зак С. Социализация земли и поземельная рента // Социализация земли. М., 1907. С. 107.

²² Чернов В.М. К вопросу о социализации земли. М., 1908. С. 15. См. также: Его же. Земля и право. Пг., 1907; Огановский Н.П. Земельный вопрос в Учредительном собрании. М., 1917.

²³ См.: Государственная дума. Созыв I. Сессия I. С. 560–562.

²⁴ См.: Бух Л.К. Земля – народу // К вопросу о социализации земли. СПб., 1905; Веселов А. Знамя “Земли и Воли” и российская социал-демократия. СПб., 1906; Дивичковский. Вольная земля и наше земледелие. СПб., 1906; Зак С. Земля и капитализм. М., 1906; Его же. Крестьянство и социализация земли. М., 1906; Зорин В. Аграрный вопрос и аграрные программы социалистических партий. Н. Новгород, 1906; Исаев П. Кому должна принадлежать земля. М.,

Однако если в § 1 “Основных положений земельного закона” основания социализации были указаны лишь в виде желательного земельного закона, то следующие параграфы – как переходные меры к ее осуществлению (включая принудительный выкуп и налогообложение земель общественного фонда, поступивших в наделы). В законопроекте трудовой группы, внесенном в I Государственную думу 6 июня 1906 г., требование социализации земли определялось в конкретных императивных нормах. Это касалось и института ликвидации частной собственности на землю, замены его институтом “общей собственности всего населения Российского государства”, под которым признавалось равное право всех на пользование землей при невмешательстве никакой власти в порядок пользования землей как отдельными гражданами, так и общинами, и товариществами при условии, что этот порядок не нарушает общего закона и прав иных лиц в соответствии с потребительской и трудовой нормами надела при запрете сдавать землю в аренду и при обязательной уплате поземельного налога сообразно с чистой доходностью земли и всеобщим страхованием хозяйств²⁵.

Данный законопроект отражал основные концептуальные положения аграрной программы ПСР, принятой на II съезде в январе 1906 г. Ликвидация частной собственности в ней предусматривалась в форме конфискации. За пострадавшими владельцами признавалось “лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к условиям личного существования”. Право на использование недр предполагалось оставить за государством²⁶.

1906; Как может быть решен аграрный вопрос. СПб., 1906; Маслов С. Земельный вопрос и партии во второй Государственной Думе. М., 1917; Николаев С.Д. Об уравнительном землепользовании. М., 1908; Новоторжский Г. Значение права на землю для рабочего класса. М., 1908; Его же. Социализация земли. М., 1905; Огановский Н.П. Крестьянская община и социализм. М., 1906; Его же. Как смотрят разные партии на аграрный вопрос. М., 1907; Петров Л. Две программы (С указанием литературы по аграрному вопросу и теории социализма). СПб., 1905; Прихожан З. Критический обзор аграрных проектов земцев, кадетов, трудовиков, социал-революционеров и социал-демократов. СПб., 1906; Ушаков А. К вопросу о социализации земли. СПб., 1906; Чернов В.М. Пролетариат и трудовое крестьянство М., 1906; Шишко Л.Э. Как смотрят социалисты-революционеры и социал-демократы на земельный вопрос. СПб., 1906; Его же. По программным вопросам. 1. О социализации земли. 2. К вопросу о минимальной программе. М., 1906; Яковлев С.И. Об общине. М., 1906; и др.

²⁵ См.: XX век. 1906. 10 июня. Свод аграрных программ. С. 87–89.

²⁶ См.: Сборник программ политических партий в России. Вып. III. СПб., 1906. С. 80.

Конечной целью государственно-правового развития России провозглашался социалистический строй, предполагающий обобществление орудий труда и уничтожение частной собственности на орудия производства, в том числе и на землю²⁷. При этом эсеры придавали большое значение существованию в России общины, рассматривавшейся ими как самобытное производственное товарищество. Политико-правовая доктрина социалистов-революционеров опиралась на общинные воззрения и традиции – навыки и формы жизни русского крестьянства, их убеждение, что земля ничья и право на ее пользование дает лишь труд, что в свою очередь являлось препятствием для развития буржуазно-собственнических начал²⁸.

Практическая реализация аграрной программы была изложена в “Основных положениях земельного закона”, внесенного думской фракцией социалистов-революционеров во II Государственную думу. Предполагавшаяся отмена всякой собственности на землю автоматически переводила ее в разряд “достояния”, правообладателем которого становилось государство, предоставляющее равное пользование им всем гражданам. Отрицая понятие государственной собственности, эсеры, тем не менее, были вынуждены определить государство и органы местного самоуправления “Верховным распорядителем всей земли с ее водами и недрами”²⁹.

Эсеры допускали в законопроекте следующие категории пользования:

а) общественное – для общественного хозяйства государственных и местных общественных предприятий;

б) частнотрудовое – для частнотрудовых хозяйств;

в) для поселения и строений, в том числе и для частных предприятий.

Само по себе общественное пользование (в соответствии с нормами законопроекта) предполагало государственное использование. Частнотрудовое пользование определялось минимальной (потребительской) и максимальной (трудовой) нормами наделения, а максимальная норма являлась пределом ограничения пользования. Отвод земли мог осуществляться “отдельным лицам и семьям подворными участками; земельным товариществам, уравнительно между собой ее распределяющим; а также артелям, совместно ведущим

промысел и уравнительно делящим продукт его”. “Уравнительность землепользования” между общинами устанавливалась органами местного самоуправления или государством путем дополнительного обложения излишков, путем расселения и переселения, а также путем изменения земельных границ.

Всякая частная передача земли между отдельными пользователями – лицами, семьями, земельными товариществами и артелями – допускалась не иначе как с согласия общины, определяемый как низовой орган самоуправления. Частнотрудовые пользователи в случае прекращения занятия земледелием обязывались сдавать используемые участки в распоряжение общины. В течение определяемого законом срока они сохраняли право на пользование землей в данной общине. По истечении же таких сроков они сохраняли лишь общее право на наделение землей каждого гражданина. Постройки и сооружения в случае необходимости могли быть отчуждаемы государством либо органами самоуправления “в порядке, определяемом особым законом”. Право гражданина на пользование землей в случае отсутствия согласия отдельных общин, товариществ и артелей реализовывалось землеустроительными учреждениями местных самоуправлений и государства путем отведения ему земли в многоземельной общине в порядке, указанном особым законом, предоставления ему надела из земель запаса либо устройства его на предприятие по общественной обработке земли³⁰. Затрагивая кардинальные вопросы землевладения и землепользования, проект, тем не менее, не регулировал правоотношения по возникновению, реализации и прекращению прав на землю более частных правовых актов.

Результатом Февральской революции 1917 г. (помимо ликвидации де-факто монархической формы правления) явился значительный сдвиг влево в расстановке политических сил в стране. Все политические партии правее конституционалистов-демократов (партии Народной Свободы, являвшейся центристской партией) фактически потеряли влияние, а их немногочисленный электорат утратил свои преимущества вследствие отмены цензовых ограничений. Исходя из этого, в сфере возможностей практического применения аграрная программа кадетов и изыскания ее идеологов представляли в послефевральский период максимум в применении норм частного права к

²⁷ См.: там же. С. 196.

²⁸ См.: Свод аграрных программ. С. 80.

²⁹ Социализация земли (Проект основных положений земельного закона). Пг., 1917. С. 19.

³⁰ См.: Партия социалистов революционеров. 1. Проект основного закона о земле (что нужно крестьянам). 2. Земельный законопроект группы С.-Р. во второй Государственной Думе. Екатеринбург, 1917. С. 37–43.

земельным правоотношениям, даже несмотря на то, что в предшествовавший период принудительное изъятие частновладельческих земель по “справедливой оценке”, отстаиваемое кадетами, являлось объектом критики справа, в частности за нарушение принципа неприкосновенности частной собственности³¹. В то же время принудительное возмездное изъятие сохраняло за землей статус объекта собственности.

В программе “Союза освобождения” как предтечи партии конституционалистов-демократов предусматривалось наделение безземельных и малоземельных хозяйств государственными, удельными и кабинетскими землями, а в случае необходимости – отчуждение части частновладельческих земель “с вознаграждением нынешних владельцев этих земель”³². Данный принцип нашел свое развитие в программе партии, принятой на учредительном съезде конституционно-демократической партии в октябре 1905 г., где отчуждение частных земель приобретает статус реквизиций, поскольку осуществляется в принудительном порядке за счет государственных средств, выплачиваемых землевладельцам по справедливой (нерыночной) оценке. Таким образом, кадеты еще задолго до 1917 г. не являлись поборниками права частной собственности на землю в его наиболее абсолютном виде, предусматривая широкое вмешательство государства в отношения вещного права. Отчуждаемые земли в соответствии с неолиберальной политико-правовой доктриной, лежавшей в основе программтики кадетской партии, должны были поступать в государственный земельный фонд, осуществлявший право собственности от лица государства. Крестьяне, наделяемые землей из этого фонда, осуществляли лишь права владения и пользования.

Особое значение придавалось законодательной регламентации частных земельных арендных отношений путем обеспечения права возобновле-

ния аренды, права арендатора в случае передачи аренды на вознаграждение за произведенные, но не использованные к сроку затраты на улучшения и учреждение примирительных камер для регулирования арендной платы и разбора споров между арендаторами и землевладельцами. Обращалось внимание на правовую регламентацию понижения непомерно высоких арендных цен и уничтожения носящих кабальный характер сделок в области земельных отношений, осуществляемых в судебном порядке³³.

Кадетская аграрная программа являлась составной частью общего комплекса гражданских прав и свобод, отстаиваемых неолибералами. Обращает на себя внимание правовой характер намеченных мероприятий, определяющий активную позицию законодателя и использование государственной власти в качестве основного рычага разрешения аграрного кризиса. Однако роль государства не носила всеобъемлющего характера. Особое внимание уделялось постоянно действующим земельным третейским судам, работающим непосредственно “на земле”.

Принцип принудительного отчуждения частновладельческих, казенных и удельных земель для расширения крестьянского землевладения (в пределах высшего или указного надела по местным положениям 19 февраля 1861 г.) являлся основополагающим в законопроекте Н.Н. Кутлера “О мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения”, представленном на обсуждение в Государственную думу в феврале 1906 г. “Справедливая оценка” отчуждаемых частновладельческих земель, сдаваемых в аренду, оценивалась по капитализации 5% средней за последние пять лет арендной платы за вычетом повинностей по среднему расчету за этот же период. Земли, не сдававшиеся в аренду, оценивались по действительной доходности отчуждаемых земель за три последних до отчуждения года³⁴.

Первоначально “справедливая оценка” определялась в программе КДП только с отрицательной стороны: эта оценка противопоставлялась оценке рыночной. Позже II съезд партии признал, что “земли должны быть ценимы по нормальной их доходности при условии самостоятельного ведения хозяйства, не принимая во внимание арендных цен, созданных земельной нуждой”³⁵. Однако данная формулировка отсутствовала в проекте

³¹ См., например: *Щербатов А.Г.* Аграрный вопрос. М., 1906; *Волконский Н.С.* Мнение по земельному вопросу. Доклад, представленный в Центральный комитет Союза 17 октября; *Мигулин П.П.* К вопросу о земельном устройстве крестьян. Доклад, читанный на Съезде делегатов Союза 7 октября в аграрной секции; *Петрово-Соловово В.* Личная земельная собственность по аграрной программе партии мирного обновления. Тамбов, 1906; *Поленов А.Д.* Объяснение и программа “Союз 17 октября” по крестьянскому и земельному вопросу. М., 1907; *Ребовский В.Т.* Пролетарское государство. СПб., 1906; *Салтыков А.Л.* Голодная смерть под фирмой дополнительного надела. К критике аграрного вопроса. СПб., 1906; *Тарновский Е.* Земельная реформа в России. СПб., 1906.

³² Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 162.

³³ См.: там же. С. 173, 174.

³⁴ См.: История русского землеустройства. С. 256–272.

³⁵ *Кутлер Н.Н.* О справедливой оценке земли // Аграрный вопрос. Протоколы заседаний аграрной комиссии 11–13 февраля 1907 г. С. 210, 211.

основных положений аграрной реформы, принятой III съездом партии, где в ст. 8 лишь глухо упоминалось о выдаче из казны вознаграждения, даже не именуя его “справедливым”. На заседании аграрной комиссии КДП 11–13 февраля были приняты предложения Н.Н. Кутлера об определении оценки принудительно отчуждаемых земель путем капитализации 6% их доходности. Предложения местных учреждений о нормальной оценке должны были подлежать утверждению в законодательном порядке³⁶. Земли, сдаваемые в аренду, подлежали отчуждению полностью, а обрабатываемые за счет помещиков – в части, не нарушающей сельскохозяйственной культуры поместий³⁷. Принудительное отчуждение частновладельческих земель затрагивало институт частной собственности. Здесь кадеты решительно расходились с большинством дворянского съезда, заявившим в январе 1906 г. о том, что “при разрешении аграрного вопроса должен быть поставлен в основание принцип неприкосновенности частной собственности”. Данное положение не было принято участниками съезда единогласно, часть из них высказалась за возможность принудительного отчуждения в тех местах, где иным образом нельзя разрешить земельный вопрос³⁸.

Л.И. Петражицкий считал, что наделение крестьян землей должно осуществляться на праве собственности, а не временного пользования, ибо только в таких условиях возможно “создание культурных элементов, возвращающих в культурных ценностях благо, которое они извлекли”³⁹. Отстаивая позицию уважения к праву и исключения произвольного с ним обращения, Петражицкий указывал, что “юридически вопрос о праве собственности не только не может иметь решающего значения в области аграрной реформы, но и вообще не относится к делу. (...) Само по себе принудительное отчуждение не являлось новым институтом российского права, а широко применялось для устранения чересполосицы, разложения участков и возможности прохода”⁴⁰.

В связи с решимостью правительства охранять интересы частных владельцев Ф.Ф. Кокошкин обвинял Совет Министров в неосведомленности в вопросах права и отсутствии “истинно государственной точки зрения”⁴¹, а М.М. Ковалевский подчеркивал, что эта неприкосновенная собственность в 1861 г. была выкуплена государством в общеобязательном порядке, и нежелание правительства в начале XX в. осуществить принудительный выкуп частновладельческих земель можно расценить как нарушение “воли Царя-Освободителя”. В трактовке вопроса о праве частной собственности особое значение придавалось тому, “что известно студенту первого курса юридического факультета, что признанию права собственности нимало не противоречит выкуп земель государством в интересах общественной необходимости”⁴².

Касаясь определения “неприкосновенности частной собственности”, Ф.Ф. Кокошкин давал его терминологическую расшифровку на основании западноевропейских конституций, где положения о неприкосновенности частной собственности дополнялись возможностью ее отчуждения для государственных нужд “при условиях справедливого вознаграждения”. Проводя сравнительно-юридический анализ действующих норм, Кокошкин в рамках представлений, сложившихся в отечественной правовой науке, определял, что “институт частной собственности обладает неприкосновенностью по отношению к частным лицам, но не по отношению к государству. Государство всегда может отчуждать, раз для государства необходима частная собственность. Неприкосновенность ее заключается лишь в том, что владельцы отчуждаемого имущества получают справедливое вознаграждение”⁴³. В данном случае не дифференцировались общегражданская и поземельная виды собственности.

Основным критерием для принудительного отчуждения государству служил размер земельной собственности. Подчеркивая органическое

³⁶ См.: История русского землеустройства. С. 256–272; см.: Кутлер Н.Н. Указ. соч. С. 229, 230.

³⁷ См.: Свод аграрных программ. СПб., 1907. С. 49.

³⁸ См.: Аграрный вопрос в I Государственной Думе. Киев, 1906. С. 92, 93.

³⁹ Там же. С. III.

⁴⁰ Речь проф. Л.И. Петражицкого на заседании Думы 12 мая 1906 г. // Там же. С. 29, 30. П. Лохтин, рассматривая вопрос о соответствии принципа принудительного отчуждения русскому праву, считал, что ст. 77 Основных законов о неприкосновенности собственности «составлена крайне неясно. В случае необходимости ею может быть оправдано принудительное отчуждение частновладельческих земель. Понятие “государственная польза” очень растяжи-

мо и неопределенно. Еще недавно в правительственных сферах существовало предположение об экспроприации арендуемых крестьянами у владельцев земель именно на основании требований государственной пользы». В этом смысле П. Лохтин считал необходимым изменение формулировки текста ст. 77 с целью признания допустимости отчуждения только для государственных и общественных пользований (см.: Лохтин П. Аграрная программа. СПб., 1907. С. 18, 21).

⁴¹ Государственная дума. Созыв I. Сессия I. Полный стенографический отчет. С. 332.

⁴² Там же. С. 343, 344.

⁴³ Там же. С. 335.

различие между крупной и мелкой земельной собственностью, С.А. Котляревский указывал, что “в сущности, для человека, обладающего несколькими тысячами десятин, в конце концов, жизнь мало изменится от того, будет ли он получать доход с земли или он будет стричь купоны с тех выкупных свидетельств, которые создаст государство для выкупа земель. Но совершенно другое дело, конечно, эти отношения, эта тесная связь с землей, которая завязывается на мелких участках, где вкладывается физический и духовный труд поколений”⁴⁴. Ранее Совецание по аграрному вопросу в Москве, проходившее 27–29 апреля 1905 г. по поручению съезда земских деятелей (24–25 февраля 1905 г.), в п.10 принятой резолюции определило, что с финансовой точки зрения проектируемая выкупная операция представляется выполнимой без финансового напряжения ввиду задолженности частного землевладения.

Вместе с тем право на “справедливое вознаграждение” с точки зрения кадетов имели только частные владельцы. Так, резолюция IV съезда партии решительно осудила возмездную уступку населению удельных и кабинетских земель согласно указам от 12 и 27 августа и 19 сентября. Съезд единодушно признал земли и той, и другой категории подлежащими в государственный фонд без всякого вознаграждения кабинета и удельного ведомства. Совокупность мероприятий правительства съезд определил как исключительную направленность к поддержанию в крестьянской среде авторитета устаревшего бюрократического строя и возрастания доверия к нему, а не к действительному планомерному и целесообразному удовлетворению народных нужд, настаивая на том, что только земельная реформа, основанная на принципе принудительного отчуждения частновладельческих земель и проведенная во всей широте, может удовлетворить нужды народа и вывести трудовое крестьянство из его бедственного положения⁴⁵.

Кадетов нельзя признать в чистом виде противниками национализации. В начале XX в. в России широкое распространение получили идеи Г. Джорджа, поддержанные авторитетом Л.Н. Толстого, о национализации земли без ее конфискации, но с введением единого прогрессивного земельного налога, который своим давлением на крупных землевладельцев заставлял бы их всемерно сокращать объем приходящейся

им доли землевладения⁴⁶. Один из теоретиков партии конституционных демократов по аграрному вопросу А.А. Мануйлов при отрицательном отношении к идеям Г. Джорджа и Л.Н. Толстого в отношении национализации земли признавал в них рациональным зерном ту мысль, что земля не должна быть объектом частной собственности⁴⁷. Отрицательное отношение к институту частной поземельной собственности обуславливалось самой концепцией здоровой аграрной политики и земельного законодательства, их конечной целью – “переходом земли к земледельцу”, которую отдавал сам факт мобилизации земельной собственности. Однако определение конечного адресата земельной реформы не связывалось с ликвидацией института частной собственности на землю, носившей у А.А. Мануйлова теоретически-гипотетический характер и не являвшейся предметом законотворческой деятельности.

Профессор М.Я. Герценштейн – теоретик, комментатор и пропагандист взглядов кадетской партии по аграрному вопросу, решительно отвергал саму постановку вопроса о национализации земли, отмечая, что в данном случае эта национализация должна коснуться и крестьянских земель, что с его точки зрения представлялось явно нецелесообразным и не способным “вывести нас из переживаемых нами аграрных затруднений”⁴⁸. Вместе с тем, различая в понятии “национализация” обращение частной собственности в собственность государства за выкуп (реквизицию) и без такового – экспроприацию и конфискацию, он отдавал предпочтение первой, считая, что национализация в такой форме должна носить частичный характер, распространяясь только на крупных частных земельных собственников.

Что же касается экспроприации (конфискации) крупной земельной собственности, то М.Я. Герценштейн находил ее несправедливой и неоправданной с точки зрения правовых норм, поскольку она “лишает один класс собственников его имущества и дохода и оставляет в то же время другой класс собственников в обладании его имуществом и доходом”. Считая увеличение площади государственного земельного фонда явлением позитивным, он указывал, что из этого

⁴⁴ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 722.

⁴⁵ См.: Аграрный вопрос на IV делегатском съезде партии народной свободы. СПб., 1907. С. 71, 72.

⁴⁶ Джордж Г. Прогресс и бедность // Свод аграрных программ. СПб., 1907. С. 91, 92; Толстой Л.Н. Единственное возможное решение аграрного вопроса // Предисловие к русскому переводу книги Г. Джорджа “Общественные задачи”. М., 1907.

⁴⁷ См.: Мануйлов А.А. Поземельный вопрос в России. М., 1905. С. V, 85, 106.

⁴⁸ См.: Герценштейн М.Я. Национализация земли // Аграрный вопрос. Сб. ст. Т. 1. С. 122.

совсем не следовало, чтобы оно совершалось за счет полного уничтожения частновладельческого хозяйства и чтобы “государство было в настоящее время в состоянии справиться с такой большой площадью культурных земель”⁴⁹. Дополняя эту мысль, С.А. Котляревский отмечал, что, “если отдать в руки государства весь земельный фонд, значит создать ему такое страшное могущество, которым оно никогда не обладало”⁵⁰. Принимая во внимание неоднозначную трактовку термина “национализация” и стремясь ограничить круг лиц, земельная собственность которых подлежит реквизиции, М.Я. Герценштейн заменил его формулировкой “дополнительное наделение”, а сам этот процесс являлся, по его мнению, лишь частью аграрного вопроса. Это мнение разделял и Л.И. Петражицкий.

Таким образом, проект аграрной реформы партии конституционных демократов, закрепленный в основных частях в программе партии, представлял собой попытку совместить публично-правовой принцип “права на землю” с началами сложившегося в России к XX в. частнопроводного института земельной собственности, связывая, таким образом, разрешение аграрного вопроса не только с субъектом, но и с объектом правомочия.

Аграрные программы партии конституционных демократов и партии социал-революционеров при всем различии заложенных в них политических принципов отталкивались от реалий сложившегося земельного строя и использовали в качестве регулятивных критериев трудовую и потребительскую нормы, восходящие еще к традициям тяглого крестьянского землевладения, подкорректированного реформой 1861 г. и закрепленные как в хозяйственной практике, так и в крестьянском правосознании. Само понятие о нормах наделения отталкивалось от Положения о выкупе 1861 г., являвшегося в начале XX в. действующим нормативным актом. Однако конкретизация потребительской и трудовой норм с учетом местных особенностей и качества земли являлась трудоемкой и неоднозначной. В общероссийском масштабе они в XX в. так и не были определены.

Отсутствие этого четкого критерия являлось узким местом вышеуказанных аграрных программ. Но если у партии конституционных демократов это являлось регулятивной нормой, затрагивающей лишь часть землевладельцев при сохранении существовавшего крестьянского землевладения, то у эсеров это должно было служить основой об-

щественной земельной политики, правовым базисом всего землевладения и землепользования вообще. Вплоть до Октябрьской революции и после нее эти нормы так и не были выведены ни теоретиками партии, ни ее практическими работниками.

В начале XX в. политические партии соединили в своих программах политическую реформу (революцию) с реформами социально-экономическими. Каждая по-своему отвечала потребностям народа, потребностям времени. В сфере решения аграрного вопроса, неотъемлемой и важнейшей частью которого являлась земельная реформа, программы ведущих политических партий преследовали цель отвести крестьянству земли в размерах, достаточных для удовлетворения необходимых потребностей. Если сущность аграрной программы кадетов сводилась к дополнительному наделению крестьян с сохранением правового статуса существующего у них землевладения, то эсеры считали необходимым изменить его в корне. Объявление земли “общенародным достоянием” или “ничьей” не ущемляло права государственной собственности на землю, возникавшего из самого факта государственного суверенитета и осуществлявшегося монополично в силу отсутствия признания других субъектов и публично-правового характера земельных отношений. Аграрные законопроекты и программы кадетов предусматривали сосуществование мелкой крестьянской земельной собственности, сохраняемой в размерах собственного товарного производства и государственного или муниципального земельного фонда, используемого для удовлетворения общественных и личных потребностей.

Как и эсеры, кадеты утверждали, что право собственности возникало из неотчуждаемого права на жизнь как средство обеспечения необходимых потребностей семьи. Право частной собственности на землю ограничивалось количественным размером земли, определяемым возможностью собственного производства, и за исключением определенных законом случаев оставалось неприкосновенным. У эсеров в данном случае объектом права являлось лишь срочное землепользование, жестко увязанное с возможностью обработки земли.

Таким образом, в аграрных программах ведущих политических партий России дооктябрьского периода присутствовали элементы взаимопроникновения, позволявшие отходить от партийного доктринерства, заимствовать положения, наиболее отвечавшие текущему моменту в соответствии с общественным правосознанием.

⁴⁹ Там же. С. 123 – 126.

⁵⁰ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 722.